

Татьяна Викторовна Дубровская

*Пензенский Филиал негосударственного образовательного учреждения
«Международный независимый эколого-политологический университет»*

Методы исследования языка правовой сферы: речезанровая модель

Ключевые слова: юридический дискурс, метод, жанр, модель
Key words: legal discourse, method, genre, model

Summary

In the article the author addresses possible methodological approaches to analysis of legal discourse, in particular courtroom communication, and contends that the theory of speech genres provides an efficient framework for institutional discourse analysis. A model of genre analysis that embraces social, pragmatic and cultural aspects of courtroom communication is offered in this study.

1. Основные подходы к изучению языка правовой сферы

Интерес к проблемам функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности, преобладающий в исследовательской парадигме лингвистики последних десятилетий, охватил и сферу правовой деятельности. На границе права и лингвистики сформировалась новая дисциплина – юридическая лингвистика, обозначаемая в западных исследованиях как Forensic Linguistics, Legilinguistics и имеющая свой круг проблем и методологию. Наиболее обобщенно объект исследования юридической лингвистики можно обозначить как юридический дискурс, под которым мы понимаем процесс коммуникации в правовой сфере. Широта задач и многообразие исследуемого в юрислингвистике речевого материала требует применения

к нему различных подходов и методов. Нам представляется, что выделенные в научной литературе подходы к изучению дискурса в целом – текстолингвистический, прагмалингвистический, социолингвистический [Карасик 2002] – применимы и по отношению к юридическому дискурсу.

Текстолингвистический подход, в рамках которого рассматривается роль лексики, в том числе терминологической, грамматических средств, пунктуации, орфографии, средств создания когезии и когеренции, применяется, главным образом, при изучении письменных юридических документов, нормативных актов [Вавилова 2007; Фомина 2007; Llopis 1999]. Текстолингвистический подход к юридическим текстам позволяет решать вопросы обеспечения их ясности, однозначности, последовательности, но не позволяет отметить их функциональные особенности.

Выход за рамки собственно текста происходит при **прагмалингвистическом подходе**, при котором важность представляет не только сам текст, но и экстралингвистическая ситуация формирования и функционирования текстов. Прагмалингвистический подход эффективен и широко используется, в частности, применительно к одной из разновидностей юридического дискурса – судебному дискурсу, представляющему собой вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте. Ярким примером прагмалингвистического подхода является рассмотрение судебного дискурса в свете теории речевых актов. Исследователи ставят своей целью установить связь между языковой формой и намерениями говорящего, между речевыми актами и социо-историческими условиями, речевыми актами и различными стадиями судебного процесса [Charnock 2009; Collins 2009; Doty, Hiltunen 2009; Kryk-Kastovsky 2009].

Социолингвистический подход к юридическому дискурсу предполагает оценку дискурса с точки зрения его социального смысла и социального воздействия. При таком подходе особое значение имеют социальные статусы участников дискурса, а речь актантов рассматривается с точки зрения проявления властных отношений между ними. Социолингвистический подход представляется нам наиболее емким из трех названных, поскольку он фактически охватывает собственно текстовый анализ, анализ экстралингвистической ситуации и социальную подоплеку речевого общения. На единство лингвистического и социального в дискурсе и дискурсивном анализе указывают Дж.М. Конли и В.М. О'Барр, по замечанию которых

конкретная лингвистическая методика дискурсивного анализа – это необходимое орудие для объяснения дискурса в более абстрактном, социологическом смысле [Conley, O'Barr 1998: 8].

Социолингвистический подход в самом ярком своем проявлении осуществляется представителями школы критического анализа дискурса, одним из направлений которого признана юридическая лингвистика [Bloor, Bloor

2007: 3]. Мы считаем исследование юридического дискурса и судебного как его разновидности наиболее перспективным именно в русле критического анализа дискурса по следующим причинам.

Первым достоинством метода критического анализа дискурса является его эклектичность. Критический анализ дискурса не отвергает никаких методик исследования языка, которые могли бы дать знания об устройстве и функционировании общества. Н. Фэрклоф среди методик анализа дискурса называет качественный анализ, применяемый к отдельным фрагментам текстов и предполагающий внимание к избранным языковым характеристикам. Качественный анализ может быть дополнен количественным анализом. Корпусный анализ текстов может помочь обнаружить ключевые слова, специфические сочетания слов, отличительные схемы в употреблении языка. Грамматический, семантический, разговорный анализ также входят в число применяемых методик [Fairclough 2004]. К перечисленным методикам М. и Т. Блур добавляют контекстуальный анализ, методики наблюдения, в том числе включенного, использование информантов (например, экспертов в определенных областях знаний) для интерпретации происходящего в дискурсивном сообществе [Bloor, Bloor 2007]. Исследователи судебного дискурса активно применяют самые разные методики из числа перечисленных, комбинируя их. Наблюдение, включенное наблюдение, качественный интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, интервьюирование участников судебных процессов становятся основой для разработки теоретических положений [Conley, O'Barr 1990; Philips 1998; Красовская 2008].

Другой характеристикой метода критического анализа дискурса, представляющей ценность для анализа судебного дискурса, является его междисциплинарность и возможность использовать для достижения цели разработки других наук (истории, социологии, психологии и др.) [van Dijk 1997; Fairclough 2004]. Исследователи судебного дискурса обнаруживают большой потенциал междисциплинарного подхода, применяя наблюдательные методики, используемые в социальной антропологии, аналитические методики социолингвистики, экспериментальные методики социальной психологии и используя достижения социолингвистики, коммуникативистики, литературного критицизма, теории идеологии [O'Barr 1982; Goodrich 1987]. Таким образом, социолингвистический подход к языку правовой сферы, осуществляемый в рамках критического анализа дискурса, не только значительно расширяет проблематику исследований, но и раздвигает их методологические границы.

В силу того, что объектом нашего интереса является судебный дискурс, наши дальнейшие рассуждения относительно методологии дискурсивных исследований будут касаться именно этой разновидности юридического дискурса.

2. Теория речевых жанров как основа анализа судебного дискурса

Одной из составляющих социолингвистического подхода к изучению судебного дискурса мы считаем рассмотрение его с точки зрения теории речевых жанров. Понятие «жанр» весьма востребовано в работах, посвященных речевой коммуникации в правовой сфере. Исследователи обращаются к различным типам юридических текстов и ситуаций правового взаимодействия, предприняты попытки классифицировать и систематизировать юридические жанры, представить описание некоторых жанров юридической сферы. Такая востребованность понятия «жанр» и соответствующей методологической парадигмы не удивительна, поскольку концепция речевых жанров предполагает формирование и функционирование жанра в рамках устойчивых, повторяющихся ситуаций социального взаимодействия людей и, следовательно, дает ключ к пониманию этого взаимодействия через язык.

Связь между ситуативными факторами коммуникации и языковыми формами констатируется как необходимое условие формирования жанра родоначальником теории речевых жанров М.М. Бахтиным [Бахтин 1986]. М.М. Бахтин дает свое определение речевого жанра через понятие высказывания и пишет о том, что использование языка происходит в форме конкретных высказываний участников определенной области человеческой деятельности. Высказывания отражают условия и цели общения содержанием, отбором грамматических средств и композиционным построением, которые определяются спецификой сферы общения.

Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами [Бахтин 1986: 250].

М.М. Бахтин отмечает особенности высказывания как единицы речевого общения. Это смена говорящего субъекта, а также завершенность (целостность), которая связана с 1) предметно-смысловой исчерпанностью, 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего, 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Чем руководствуется говорящий при выборе речевого жанра? Прежде всего, речевым замыслом, который неразрывно связан с ситуацией общения, ее участниками и предшествующими высказываниями. Все эти факторы в совокупности влияют на выбор жанра, и дальше речевой замысел приспособляется к избранному жанру и развивается в соответствующей жанровой форме. Подбор определенных типов предложений как единиц языка и их композиционных связей осуществляется с учетом целого высказывания, которое планирует говорящий, и жанра этого высказывания. Жанр планируемого высказывания определяет, по М.М. Бахтину, и выбор лексики. Таким образом, М.М. Бахтин придает огромное значение

в организации высказывания жанровым формам, которые «организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [Бахтин 1986: 271].

Жанр предлагает своего рода дискурсивную модель, матрицу организации текста в типичной ситуации, которая каждый раз получает новое речевое наполнение в зависимости от меняющейся ситуации общения. Во многих исследованиях российских и зарубежных ученых жанр определяется и рассматривается как речевая модель, модель высказывания, модель порождения текста [Шмелева 1997; Дементьев 1998; Матвеева 1996; Федосюк 1996; Gee 2002].

В понимании Ст. Гайды, который определяет жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста», а также и как «совокупность текстов, в которых определенным образом является актуализированным, реализованным» [Гайда 1999: 104], нам представляется весьма важным указание на конвенциональность речевых жанров и на их культурную и историческую обусловленность. В самой полной мере названные характеристики жанров проявляются именно в жанрах институциональной коммуникации. Конвенциональность институциональных жанров проявляется уже в том, что участники общения в рамках социальных институтов имеют четко расписанные речевые роли и свой репертуар жанров, отражающих как институциональные нормы, так и культурные ценности, характерные для данного момента истории.

Важно отметить и то, что жанр не только отражает устройство общественного института, но и выполняет конструктивную функцию, т.е. способствует поддержанию и успешному функционированию этого общественного института. В этом смысле очень емким является определение жанра, данное Т. Люкманном, который толкует коммуникативные жанры как социально сконструированные модели для решения повторяющихся коммуникативных проблем [Luckmann 1995]. Причем под последними понимаются проблемы, затрагивающие коммуникативные аспекты таких типов социального взаимодействия, которые важны для поддержания существующего социального порядка [Luckmann 1992: 228]. Несомненно, жанры судебного взаимодействия следует относить к тем, которые обеспечивают социальный порядок, так как судебный дискурс, реализуемый в конвенционализированных жанровых формах, имеет конечной целью восстановление законности и изменение правовой ситуации.

Поскольку в сфере судебной коммуникации выработался целый ряд жанров, служащих цели осуществления правосудия, к изучению судебного дискурса можно подойти с позиции описания и анализа его типичных жанровых форм. В. Бхатиа указывает на ведущую роль языка в осуществлении правосудия, на многообразии и многофункциональности юридических жанров:

Язык, безусловно, играет важную роль в создании, интерпретации, обсуждении и осуществлении правосудия. Именно через разнообразные юридические жанры осуществляется попытка создать и поддерживать образцовый мир прав и обязанностей,

разрешений и запретов... Чтобы регулировать настоящий мир человеческого поведения, когда считается, что он не соответствует образцовому миру, эти правила и установки получают судебную интерпретацию и применяются через систему судов, чтобы об-судить и обязательно навязать желаемое поведение [Bhatia 2006: 1].

В понимании В. Бхатиа функциональная сторона жанра неразрывно связа-на со стороной формальной. Выполнение жанрами специфических функций в условиях институционального общения приводит к появлению устойчивых структурных форм.

Исследование жанров судебной речи во многих трудах проводится с опо-рой на указанные выше ключевые понятия жанроведения: понятия **модели, ситуации, деятельности**. С понятием **модели** связано стремление ученых выявить типичные, устойчивые признаки жанра, идентифицировать формаль-ные традиционно опознаваемые характеристики. Так, идея о схематичности жанра дает возможность использовать применительно к жанру понятие структурного потенциала (*structure potential*), что означает наличие у жанра обязательных и факультативных элементов, которые обнаруживаются в кон-кретных текстах [Gibbons 2005: 11]. Анализ текстов позволяет выявить по-тенциальную структуру жанра. Композиционная и семантическая структура, система аргументации, хронопические маркеры, стилистические характе-ристики таких жанров, как защитительная речь адвоката, исковое заявление, приговор, обвинительная речь прокурора становятся предметом анализа в ряде работ российских ученых [Кузнецова 1998; Сологуб 2006; Девяткина 2006; Мишанкина, Рожнева 2005; Дубровская 2002]. Понятие модели, инварианта, как видим, не только определяет смысловое наполнение термина «речевой жанр», но и является ключевым при осуществлении практического анализа речевого материала. Обращение к **ситуативным характеристикам** жанров судебной речи **на конкретном этапе** судебного процесса выводит жанровые исследования на иной уровень, предполагающий рассмотрение ряда экстра-лингвистических факторов. Такие ситуативные факторы, как место жанра на судебном процессе, его функция и участники становятся основой классифика-ции жанров судебной речи [Gibbons 2005]. Композиционная структура жанра анализируется в тесной связи с коммуникативными задачами его составных частей [Stygal 1994].

Наконец, **деятельностный аспект** жанров, тесно связанный с ситуатив-ным аспектом и выступающий в каком-то смысле его продолжением, также не остается без внимания. В. Бхатиа предлагает классифицировать юриди-ческие жанры в зависимости от того, как они способствуют осуществлению законности и правосудия [Bhatia 2006]. Главную группу составляют зако-нодательные акты, которые являются первичными юридическими жанрами (*primary legal genres*) и образуют основу всей юридической практики. Все остальные жанры исследователь относит к производным (*derived*), среди которых большую роль играют жанры второй группы – судебные решения и описания дел, существующие в письменной форме, и параллельный им

устный жанр судебного взаимодействия (courtroom interaction). В основе этих жанров лежит процесс интерпретации законодательства, а результатом является определенный юридический эффект. Третью группу составляют целевые жанры (target genres), такие как контракты, соглашения, страховые документы, являющиеся одновременно и продуктами, и инструментами юридической практики. Последняя группа включает академические юридические жанры (academic legal genres), находящиеся на границе между академической и юридической деятельностью и направленные на подготовку специалистов в области юриспруденции. В число таких жанров входят учебники, экзаменационные эссе, критические эссе, устные выступления и др. Ценность данной классификации в том, что она имеет обобщающий характер. При этом, однако, ее следует дополнить более подробными описаниями прагмалингвистических особенностей включенных в классификацию жанров.

3. Проблема исследования диалогических жанров в судебном дискурсе

Одна из проблем жанроведческого подхода к исследованию судебной речи состоит в следующем. Исследуя монологические жанры судебного дискурса, ученые имеют твердую почву под ногами, поскольку именно монологический жанр в полной мере соответствует бахтинскому пониманию высказывания как единицы, завершенной в смысловом и композиционном плане и принадлежащей одному речевому субъекту. Однако при таком подходе диалогическое общение, составляющее суть судебного взаимодействия, остается за рамками теории речевых жанров. Это не совсем верно, поскольку судебному диалогу, как и монологическим высказываниям, также присущи жанровые формы. Целые отрезки дискурса с многократной сменой речевого субъекта представляют собой завершенные и целостные единицы с характерной структурой и функциями. Нам представляется целесообразным рассматривать такие диалогические единицы в качестве жанров. Теоретическое обоснование подхода к диалогическим формам как жанрам находим в решении М.Ю. Федосюка, который предлагает считать РЖ типами текстов (тогда они включают и монологическую, и диалогическую речь), а среди РЖ выделить элементарные и комплексные. В составе элементарных РЖ отсутствуют компоненты, которые могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Комплексные РЖ, включающие монологические и диалогические тексты, состоят из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра [Федосюк 1997].

К проблеме исследования диалогических форм в жанроведении обращаются и западные исследователи. Р. Бауман указывает на существование двух направлений в изучении жанров представителями школы функциональной лингвистики. Традиционные, завершенные, единые монологические отрезки дискурса исследуются с точки зрения структуры и воплощения жанровых форм в тексте, реализующем структурный потенциал жанра. Однако обращение к диалогическим формам социального взаимодействия не идет дальше описания последовательности актов или сценариев речевого события [Bauman 2006: 750].

В то же время нельзя сказать, что судебный диалог совсем выпадает из поля зрения исследователей. Анализ некоторых жанров судебной речи в работе К. Доти и Р. Хилтунен [Doty, Hiltunen 2009], посвященной судебным процессам над ведьмами в 17 веке в США, представляет интерес, поскольку исследователи выделяют несколько важных характеристик жанра «допрос»: его структурную, композиционную сложность, которая обусловлена институционально; возможность участия в нем нескольких говорящих субъектов, каждый из которых имеет свои цели в процессе коммуникации, которые он реализует в отдельных высказываниях (речевых актах); комбинация индивидуальных и институциональных элементов, где вторые часто создают рамку, чтобы жанр в целом соответствовал институциональным требованиям. Вопрос о композиционной сложности диалогических жанров решается за счет применения еще одного понятия прагматической лингвистики – речевого акта. Исследователи выделяют в составе диалогических жанров различные структурные схемы, включающие разные типы речевых актов.

Для решения проблемы исследования диалога в судебной коммуникации польская исследовательница Б. Крык-Кастовски предлагает новое понятие «сеть речевых актов» (speech act network), которое она считает наиболее подходящим для анализа сложного судебного дискурса, состоящего из взаимосвязанных речевых актов [Kryk-Kastovsky 2009].

Таким образом, современные исследователи осознают необходимость обращения к диалогическому дискурсу, исследования закономерностей его построения и функционирования и находятся в поисках соответствующей методологической основы. Поскольку теория речевых актов в традиционном виде не представляет возможностей для анализа дискурса, предполагающего смену речевых субъектов, ученые вынуждены развивать новые понятия и оперировать ими, а также искать место для речевых актов в составе более крупных и более емких единиц, объединяющих в себе речевые действия, аспекты ситуации и социального контекста, информацию когнитивного характера. Эти единицы они называют речевыми жанрами, речевыми событиями, сетями речевых актов. В силу наличия определенных традиций исследования речевых жанров в российской лингвистике, понятие речевого жанра представляется нам наиболее подходящим для анализа судебной речи.

4. Модель анализа жанров судебного дискурса

Прежде чем предложить собственную модель анализа жанров судебного дискурса, представим ряд положений, которые мы считаем исходными при рассмотрении жанров судебной коммуникации и которые отражают наше понимание речевого жанра:

- 1) жанр представляет собой модель, матрицу, для построения высказываний, которая наполняется содержанием в зависимости от ситуации социального взаимодействия. Используя понятие высказывания в бахтинском понимании, мы утверждаем, что жанр – это инвариант высказывания или – в случае диалогических жанров – группы связанных высказываний. Этот инвариант получает конкретное воплощение в виде речевых произведений одинаковой жанровой принадлежности;
- 2) жанр тесно связан с коммуникативным и деятельностным контекстом, причем эта связь является двусторонней. С одной стороны, жанр формируется в условиях определенной деятельности и типичной ситуации социального взаимодействия. С другой стороны, когда жанр получает фиксированную форму, он сам начинает служить сигналом, указанием на определенную ситуацию и коммуникативный контекст;
- 3) свойством жанра является его целеориентированность, соответствующая как широкому социальному контексту, так и частным интенциям коммуникантов.

При построении модели анализа речевых жанров судебной сферы мы исходили из того, что исследование этих жанров должно осуществляться в тесной связи с элементами коммуникативной ситуации, широкого социального контекста и деятельности в рамках социального института правосудия. Данная модель была опробована нами при проведении анализа жанров речи русских и английских судей, таких как судебный допрос, судебное решение и приговор, обращение к присяжным [Дубровская 2010]. Далее при рассмотрении модели мы будем приводить примеры, касающиеся именно этих жанров.

4.1. Функция речевого жанра в судебном процессе. Целый ряд речевых жанров совершенно необходим для достижения главной цели судебного процесса – осуществления правосудия. В рамках этой общей цели можно выделить более частные функции, выполняемые судьей в различных жанрах. Эти функции являются жанрообразующими признаками, и их выделение является одной из главных задач. К примеру, функцией судебного допроса является реконструкция и выстраивание событий прошлого, картины преступления, поэтому жанр допроса в огромной степени влияет на дальнейшее развитие судебного процесса и его результат.

4.2. Степень институциональной обусловленности. Говоря об институциональной обусловленности жанра, можно выделить два аспекта. Во-первых, появление жанра в ходе процесса обусловлено существующим

в судебной сфере законодательством, регламентирующим процессуальный порядок и речевое поведение участников процесса. Например, в русском и английском судах в ходе уголовного процесса с участием присяжных судья обязательно произносит напутственное слово присяжным (summing-up). Этот жанр совершенно необходим, чтобы был соблюден регламент и процесс состоялся. Следовательно, можно говорить о принципиальной роли данного жанра для осуществления правосудия. Такие жанры мы предлагаем обозначить как обязательные. Появление других жанров может быть обусловлено соображениями и волеизъявлением говорящего. Так, передопрос свидетеля не является обязательным, и решение о его проведении принимается сторонами. Применительно к таким жанрам целесообразно использовать понятие факультативного жанра. Более того, в рамках судебного процесса формируются и такие жанры, которые не относятся к институциональным. К примеру, жанр шутки, встречающийся в речи судей, лишен институциональной нагрузки, и отсутствие этого жанра не мешает судье выполнить свои обязанности.

Институциональная обусловленность жанра заключается также в том, что формальная и семантическая структура жанра в той или иной степени институционально регламентированы. Источником определенных стандартов может быть как официальный документ, так и негласные устоявшиеся представления о том, как должно осуществляться речевое общение на данном этапе процесса или в данной ситуации. Например, в российской судебной системе содержание и структура судебных решений и приговоров регламентированы Гражданским процессуальным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом, тогда как при составлении подобных документов английские судьи опираются главным образом на образцы документов, составленных высокопоставленными судьями, и методические рекомендации, написанные для судей.

Выявление степени институциональной обусловленности формальной и смысловой структуры жанра принципиально для создания его «портрета».

4.3. Участники речевого жанра. Судебный дискурс является сложным, многоголосым образованием. В ходе процесса участники вовлечены в ряд комплексных речевых жанров, в том числе тех, которые предполагают неоднократную смену речевых субъектов. В случае комплексных диалогических жанров, необходимо определить круг участников речевого жанра и их роли судьи (ведущую или вспомогательную) в контексте этого жанра. Так, комплексный жанр судебного допроса включает допрашиваемого, представителя обвинения, представителя защиты, судью, которые выстраивают речевое взаимодействие друг с другом посредством речевых тактик. Функцию организующего коммуникативного центра в этом жанре в силу своего статуса выполняет судья. Возможно участие в жанре допроса «безмолвного» участника – присяжных, к которым судья может обращаться в ходе допроса. Выделение речевых тактик, применяемых участниками жанра, позволяет в значительной степени систематизировать картину речевого взаимодействия в зале суда.

4.4. Место жанра в судебном процессе и связь с другими жанрами (интертекстуальность). Установление связи жанра с хронологически предшествующими и последующими жанрами необходимо, чтобы увидеть картину судебного процесса как единого непрерывного целого. Судебные жанры не существуют изолированно друг от друга: они обусловлены предшествующими жанрами и влияют на последующие. Таким образом, между ними выстраиваются интертекстуальные связи, определяющие специфику разных жанров. К примеру, жанр напутственного слова судьи обусловлен целым рядом хронологически предшествующих ему жанров, среди которых есть судебный допрос, прения, присяга присяжных, законодательные тексты, судебные экспертизы и тд. В свою очередь напутствие присяжным определяет в значительной степени ход обсуждения вердикта присяжными и принятое ими решение.

4.5. Особенности языкового выражения жанра. В той или иной степени особенности языкового воплощения затрагиваются практически во всех разделах модели анализа. Обобщение уже названных языковых особенностей, расширение этого списка и построение общей модели жанра составляют суть данного пункта модели. Обязательные для композиционной и семантической структуры речевого жанра компоненты и наиболее типичные лексические, грамматические, стилистические средства образуют, по нашему мнению, инвариант жанра.

4.6. Национально-культурная специфика жанра. Национально-культурная специфика жанра может иметь самые различные прагматические и лингвистические проявления: от определенной специфики функций до особенностей структуры и отдельных языковых средств. В силу того, что мы имеем дело с дискурсом институциональным, объяснение этих особенностей лежит в сфере социальной, сфере устройства общественных институтов. Нельзя оставить без внимания и особенности национального мышления, определяющие специфику как обыденной, так и институциональной коммуникации. Так, одной из выявленных нами национально-специфических особенностей английских приговоров является их эмоциональная насыщенность, что противоречит типичным свойствам английского национального характера с его склонностью к сдержанности и самоконтролю. Объяснение эмоциональности английских приговоров лежит в институциональной плоскости – эмоциональность связана со специфической функцией, выполняемой судьей. Эта функция – выражение порицания по отношению к преступлению и, как следствие, формирование общественного мнения, способствующего соблюдению общественного порядка.

5. Вывод

Теория речевых жанров предлагает такую парадигму исследования человеческой коммуникации, которая опирается на представление о тесной связи языка со сферой его использования, деятельностью участников коммуникации, коммуникативными установками и личностью говорящего. Анализ судебной речи с точки зрения типичных жанровых форм может в значительной степени способствовать созданию упорядоченной картины судебной коммуникации, учитывающей целый ряд прагмалингвистических факторов, и раскрытию принципов взаимодействия между участниками судебного процесса. Предложенная модель анализа жанров судебной коммуникации охватывает целый ряд факторов – прагматических, институциональных, культурных, собственно лингвистических, – раскрывающих специфику жанра. Очевидно, что использование данной модели предполагает привлечение дополнительных источников знаний, в том числе нормативных документов, социологических данных, культурологических концепций, а также исследование исторических фактов, связанных с устройством судебной системы в стране. Важно отметить, что данная модель может быть успешно использована для исследования как монологических, так и диалогических жанров, представляющих основу человеческой коммуникации. С некоторыми поправками данную модель можно применить к жанрам других сфер институционального общения.

Литература

- Bauman R., 2006, Speech genres in cultural practice [в:] *Encyclopedia of Language and Linguistics*, Amsterdam, London: Elsevier, с. 745–758.
- Bhatia V.K., 2006, Legal genres [в:] *Encyclopedia of Language and Linguistics*, Amsterdam, London: Elsevier, с. 1–7.
- Bloor M., Bloor Th., 2007, *The Practice of Critical Discourse Analysis: an Introduction*, London: Hodder Arnold.
- Charnock R., 2009, Overruling as a speech act: performativity and normative discourse, *Journal of Pragmatics*, т. 41, изд. 3-е, с. 401–426.
- Collins D.E., 2009, Indirectness in legal speech acts: an argument against the out of ritual hypothesis, *Journal of Pragmatics*, т. 41, изд. 3-е, с. 427–439.
- Conley J.M., O’Barr W.M., 1998, *Just Words. Law, Language, and Power*, Chicago–London: University of Chicago Press.
- Conley J.M., O’Barr W.M., 1990, *Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discourse*, Chicago–London: University of Chicago Press.
- Dijk T.A. van, 1997, *Discourse as Structure and Process*, London: Sage publications.

- Doty K.L., Hiltunen R., 2009, Formulaic discourse and speech acts in the witchcraft trial records of Salem, 1692, *Journal of Pragmatics*, т. 41, изд. 3-е, с. 458–469.
- Fairclough N., 2004, *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*, London–New York: Routledge.
- Gee J.P., 2002, Educational linguistics [в:] M. Aronoff, J. Rees-Miller (ред.), *The Handbook of Linguistics*, Malden, Mass., Oxford: Blackwell; Blackwell Reference, www.blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781405102520_chunk_g978140510252029; 4.03.2011.
- Gibbons J., 2005, *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*, Oxford: Blackwell.
- Goodrich P., 1987, *Legal Discourse*, London: Macmillan Press.
- Kryk-Kastovsky B., 2009, Speech acts in Early English court trials, *Journal of Pragmatics*, т. 41, изд. 3-е, с. 440–457.
- Llopis M.A.O., 1999, The analysis of a legal text: Lloyd's Institute Cargo clauses, *IATEEL ESP SIG Newsletter*, 14, www.unav.es/espSig/orts14.htm; 4.03.2011.
- Luckmann T., 1995, Interaction planning and intersubjective adjustment of perspectives by communicative genres [в:] E. Goody (ред.), *Social Intelligence and Interaction*, Cambridge: Cambridge University Press, с. 175–189.
- Luckmann T., 1992, On the communicative adjustment of perspectives, dialogue and communicative genres [в:] A. Wold (ред.), *The Dialogical Alternative*, Oslo: Scandinavian University Press, с. 219–234.
- O'Barr W., 1982, *Linguistic Evidence. Language, Power and Strategy in the Courtroom*, New York–London–Paris–San Diego–San Francisco–Sao Paulo–Sydney–Tokyo–Toronto: Academic Press.
- Philips S., 1998, *Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control*, New York–Oxford: Oxford University Press.
- Stygal G., 1994, *Trial Language: Differential Discourse Processing and Discursive Formation*, Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins.
- Бахтин М.М., 1986, Проблема речевых жанров [в:] *Эстетика словесного творчества*. изд. 2-е, Москва: Искусство, с. 250–296.
- Вавилова А.А., 2007, Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта [в:] Н.Д. Голев (ред.), *Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сб. науч. ст.*, Кемерово–Барнаул: Издательство Алтайского университета, с. 81–92.
- Гайда С., 1999, Жанры разговорных высказываний [в:] *Жанры речи: сб. науч. ст.*, вып. 2, Саратов: Издательство государственного университета «Колледж», с. 103–111.
- Девяткина В.В., 2006, *Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Саратов.
- Дементьев В.В., 1998, «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи [в:] *Вопросы стилистики*, вып. 27, Саратов: Издательство Саратовского университета, с. 21–33.
- Дубровская Т.В., 2002, Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение» [в:] *Филологические этюды: сб. науч. ст. Молодых ученых*, вып. 5, Саратов: Издательство Саратовского университета, с. 123–126.
- Дубровская Т.В., 2010, *Судебный дискурс: речевое поведение судьи*, Москва: Академия МНЭПУ.

- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград: Перемена.
- Красовская О.В., 2008, *О речевой коммуникации в судебной практике: учеб. пособие*, Москва: Флинта-Наука.
- Кузнецова Н.И., 1998, Роль структурно-языковой организации текста в восприятии официально-деловых документов [в:] *Вопросы стилистики*, вып. 27. *Человек и текст*, Саратов: Издательство Саратовского университета, с. 145–151.
- Матвеева Т.В., 1996, Тональность разговорного текста: три способа представления [в:] *Stylistyka V*, Opole, с. 210–221.
- Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А., 2005, Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ), Электронный журнал *Гуманитарная информатика*, 2, <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/mishank.htm>; 1.03.2011.
- Сологуб О.П., 2006, Исковое заявление: жанроведческий анализ [в:] Н.Д. Голев (ред.), *Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сб. науч. ст.*, Барнаул: Издательство Алтайского университета, с. 118–127.
- Федосюк М.Ю., 1996, Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» [в:] *Русская разговорная речь как явление городской культуры*, Екатеринбург: Арго, с. 73–94.
- Федосюк М.Ю., 1997, Нерешенные вопросы теории речевых жанров, *Вопросы языкознания*, № 5, с. 102–120.
- Фомина Л.Ю., 2007, Нормативная правовая терминология: современное состояние и вопросы унификации [в:] Н.Д. Голев (ред.), *Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сб. науч. ст.*, Кемерово–Барнаул: Издательство Алтайского университета, с. 158–167.
- Шмелева Т.В., 1997, Модель речевого жанра [в:] *Жанры речи*, Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», с. 88–98.